

rôle des préfixes dans les langues indoeuropéennes. — Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university. 15. Rada jazykovědná. A 14. 1966, 13—25, и др.
2 См.: Wackernagel J. Altindische Grammatik. I. Göttingen, 1896, 267; Edger-ton F. Indo-European 's movable'. — Language, 34/4, 1958, 445—453, и др.
3 См.: Мельничук О. С. Етимологічні розвідки. 4. Праслав'янське *mogti 'могти'. — Мовознавство, 1980, № 6, 44—55.

В. А. Меркулова

О ДОПОЛНЕНИЯХ К СЛОВНИКАМ ПРАСЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЕЙ

Прошло десять лет со времени выхода в свет первого выпуска «Этимологического словаря славянских языков» и первого тома «Праславянского словаря» («Słownik prasłowiański»). За это время восточнославянская лексикография пополнилась большим количеством новых диалектных и исторических словарей. Только по русскому языку опубликовано более пятидесяти томов и выпусков различных словарей (десять выпусков «Словаря русских народных говоров», десять выпусков «Словаря русского языка XI—XVII вв.»). Впервые в истории русской лексикографии началось полное описание лексики псковских и брянских говоров («Псковский областной словарь с историческими данными» и «Словарь брянских говоров»); началось издание дифференциальных, но очень богатых словарей по смоленским, архангельским, ярославским говорам; вышли в свет: «Словарь русских донских говоров» (Ростов н/Д, 1975—1976); «Словарь русских говоров Кузбасса» (Новосибирск, 1976), «Словарь русского камчатского наречия» (Хабаровск, 1976); И. С. Меркуров «Живая речь кольских поморов», (Мурманск 1977); А. Е. Элиасов «Словарь русских говоров Забайкалья», (М., 1980); В. Н. Богданов «Талицкий словарь» (Барнаул, 1982); «Словарь русских говоров Приамурья» (М., 1983) и т. д.

В семидесятые годы исключительного развития достигла белорусская диалектная лексикография. Кроме ежегодных публикаций по диалектной лексике (3 народнага слоўніка. Мінск, 1975; Народнае слова. Мінск, 1976; Народная лексіка. Мінск, 1977 и т. д.), начато издание капитального семитомного словаря белорусских северо-западных говоров (Слоўнік беларускіх гавораў паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск, 1979—1980. Т. 1—3) и пятитомного Туровского словаря (Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982. Т. 1—2).

Богатейшие лексические материалы опубликованы по Полесью (М. В. Никончук. Матеріалы до лексичного атласу української мови, Київ, 1979; Полесский этно-лингвистический сборник. М., 1983).

Вышли из печати первые тома этимологических словарей белорусского и украинского языков (Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978—1980. 1—2; Етимологічний словник української мови. Київ, 1982, 1) и исторических словарей белорусского и украин-

ского языков (Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982—1983. 1—2; Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Київ, 1977—1978. 1—2). Появились новые публикации по ономастике.

Все эти материалы позволяют сделать дополнения к праславянским словарям восточнославянских языков. Дополнения носят разный характер.

а) При наличии статьи в словаре и восточнославянского материала дополнения могут касаться семантики восточнославянских лексем:

*běľsь: рус. *белёц* 'белок глаза', 'глаз' (Элиасов 63);

*bělidlo: рус. *белила* мн. 'сметана, молоко как приправа к кушанью или питью' (Соликам. словарь 39). Ср. *zaběla;

*borna: рус. *борона́* 'ссоры, нелады' (Смоленск. словарь 1, 22);

*borna: рус. *борона́, ѡ-, ж.* в знач. нареч. 'большое количество, множество': Да йешно робят борона́/боронѡ́ 'ручьём, потоком': «боронной слёзы по лицу полили» (Архангельск. словарь 2, 84). Ср. болг. *браня́* 'толпа, множество людей'.

*bryľь: рус. *брыль* 'бугорок, кочка', 'шишка, желвак', 'возвышенность, горбина на бревне', 'губы', 'оборки', 'ресницы' (Псков. словарь 2, 186);

*bryla: рус. *брыль* 'брови' (Мордовск. словарь 1, 49).

**bьdrь (jь)*: рус. *бодрѡ́й* 'обильный, богатый, хороший (об урожае)' (Архангельск. словарь 2, 46).

**cělъ (jь)*: рус. *цѣлый* 'готовый к чему-н.; сделавший все приготовления': Фуфайка одеть — я опять и цела (Меркуров 174).

*černь: укр. диал. *черінь* 'поскогорье' (Полесск. этно-лингв. сб., 176).

*dudlo: рус. *дудла* ж. 'водоем со стоячей или слабо проточной водой' (Смоленск. словарь 3, 152).

*druza: блр. *друза́* 'толстый, ожиревший человек' (Народное слова, 111).

*drьta: укр. диал. *дрьома* 'болотная топь' (Полесск. этно-лингв. сб., 181).

б) При наличии статьи в словаре и восточнославянского материала в ряде случаев может быть указана иная морфологическая характеристика слова:

*bojьsь Nomen instrumenti: рус. *боёц* 'колотушка' (Новосиб. словарь 33); *боёц* Nomen loci 'место в реке с быстрым течением и подводными камнями' (Среднеобский словарь, 1, 26).

в) При наличии статьи в словаре могут быть приведены словообразовательные варианты или некоторые словообразовательные производные:

*běľsь: рус. *белеш* м. 'выбеленный на солнце холст' (Новосиб. словарь, 24)

*bovati se как вариант к *bojati se (Псковск. словарь 3, 86).

*bělena: рус. *белены* мн. В сочет. *на белены* — для отбеливания на свету, на солнце (о домотканом холсте) (Архангельск. словарь 1, 154); *белёны* мн. 'белила, крем' (Смоленск. словарь 1, 156).

*bivьsь: др.-рус. *бивець, бивца*; ср. ст.-чеш. *bivěš*.

*bivъnъ; **bivъn'a*: рус. *бiвeнь* 'клык у слона'; *бiвeнь* 'ударная часть цепа' (Ярослав. словарь 1, 58); 'тяжелое толстое бревно, колода с ручками для забивания свай' (Архангельск. словарь 2, 22); *бiвeня* ж. 'битва, война', *биcнiя* 'палка, используемая при игре в гордки' (Смоленск. словарь 1, 175).

*čerakъ: блр. *čэпак* м. устар. 'чепец' (Сцяшковиц 553; Янкова 416).

*česъtkъ: рус. *чacок* м. 'деревянная лопатка с зубьями для чесанья льна' (Картотека Псковского обл. словаря); *чecок* 'круглая щетка для чесанья льна и конопли' (Меркурьев 176).

*čezъ: блр. *чэзъ* м. 'мор, смерть' (Маці казала так 109)

*čъvenъe: с.-хорв. цслав. *ищ(ъ)venije* (Miklosich LP 1081), с.-хорв. стар. *čvenъje* XV в. *auditio* (RJA II, 120); рус. *ищевеньe* 'беспмятство' (Срезневский II, 440).

*čъtkъ: рус. *чeтoк* м. 'игральная кость, бабка, внутрь которой налит для тяжести свинец' (Элиасов 453); *чeтoк* м. 'одна из палочек, которая укладывается на дно русла' (Соликам. словарь 680).

*čъtъje: рус. *чeтъ* 'счет, умение считать' (Элиасов 453).

г) Статья в словаре может быть расширена восточнославянским материалом:

*bakula: блр. *бакiла*, *бокiла* 'нарост, шишка (на дереве, на теле и т. д.)': Як даў, то й бокула зробiлася (Тураўскi слоўн. 1, 38). Ср. чеш. диал. *bakula* 'шишка, нарост' (Gregor — ЭССЯ 1, 142).

*brědъ/*brědъ: рус. *брядъ* 'кустарник' (Калинин. словарь 35); *брeдъ* 'вершина снопа, колосья' (там же); *брядка* 'соцветие — метелка': Костёр — он как овёс расцёт, этаким бряткам (Псковск. словарь 2, 190). Ср. *бряночка*, *брина*, *брюнки* то же (Słownik prasłowiański 1, 374).

*bryzъgъlъ: блр. *брызгoль* 'твердый снег, похожий на крупу' (Народное слова 16).

*budiměrъ: рус. Будимеров Тимофей Кондрашов, стрелец, 1624 г. Калуга (Веселовский 52).

*budislavъ: рус. Будислав Едигеев, конец XVI в., Углич (Веселовский 52).

*čata: с.-хорв. *čata* 'тоска', кашуб. *čata* 'женщина, работающая до поздней ночи', рус. *чáмушка* 'старая потерявшая память женщина' (Сл. Оби. Доп. II, 261).

*čamъjъ: рус. *чáмый* 'разборчивый в еде' (А. С. Герд. К истории образования говоров Заонежья — Сев.-рус. говоры 3, Л., 1979, 214). Ср. болг. *чáмае* 'больной' (ЭССЯ 4, 15—16).

*čamъgъva: словц. *čamъgъva*, *četъgъva* 'мелочь, мелюзга (о детях и мелких детенышах)' (Kálal 66—67); блр. *чамярoв* 'много': Ці у мене коз воз, ці дeтeй чамeрвa (Янкова 407).

*čilъjъ I: блр. *чылe* прил. 'натуральное, неразбавленное (про молоко, хлеб)' (Народн. словатвор., 15).

*čilъjъ II: рус. *чiленький* ласк. 'бедный' (Сл. Оби Доп. II, 268).

Ср. макед. *чили* 'вымирать, исчезать', с.-хорв. диал. *чи.лети* 'упасть духом, потерять силы' (ЭССЯ 4, 111).

*čъgъxa: ст.-чеш. *čercha* ж. 'činea' (Ст.-чеш. Прага), чеш. *čercha*

ж. 'черта' (Kott I, 172); рус. *чepxa* в выраж.: Пошла я пат черху — в удачный момент (Брянские говоры 1978, 75).

*degъ: блр. *дэяx* 'спла' (Народное слова, 145).

д) В праславянский словарь могут быть включены новые статьи:
*badati: рус. *бáдaть* 'говорить, болтать': Кънчай бaдыть, приймайся за дела. Бaдыть правду в очи, гыманить (Смоленск. словарь 1, 101). По-видимому, сюда же *бaдлaнить* 'кричать, говорить' (перм.), *бaдлaть* 'кричать без толку' (барнаул.): Чo бaдлaшь? (Филип 2, 39).

Возможно несколько решений. Слово экспрессивное, образовано вторично от *badati 'качать', развитие значения как в *болтaть* → *болтaть языком*. Слово образовано на славянской почве от корня **ba-* (ср. *bajati*) с суф. *-d-*, ср. аналогичные *бакaть*, *бачить*, *басить* 'говорить'. Слово представляет собою архаизм, восходит к п.-е. **bhā-* с расширителем *-dh-*, ср. лат. *fabula* < *bhā-dhlā* (Pokorny 105). Глагол *бáдлaть* — вторичный интенсиф, возникший после упрощения *dl > l*.

*bagliti: рус. *бáглитъ* 'расходовать много, жечь (о дровах); жарко топить (печь, плиту, баню и т. п.)' (Смоленск. словарь 1, 100); *бáглитъ* 'спильно, жарко топить (печь)' (орл. — Филип 2, 33).

Глагольный интенсиф с суф. *-l-*, ср. *bъbati* → *bъbлати*, *česati* → *česl'ati*, *vixati* → *vixl'ati* (Słownik prasłowiański I, 53—54). Сюда же словен. *baglati* 'настойчиво просить'. Корень **bag-* (п.-е. **bhōg-*) 'жечь', 'печь' 'жарить', 'топить'.

*bagrъnъ: блр. *бáгрэно* 'ненастно' (Тураўскi слоўн. I, 35). Наречие, образованное от прил. *bagrъn 'ненастный'. Модели, по которым образуются названия ненастного дня: 'темный' → 'ненастный'; ср. рус. *пасмурный*, *змурый*, укр. *змурий*, *позмурый*, *позмурный*, блр. *пазмурны*, *змурны*, словен. *tragečn*, с.-хорв. *тмуран* и т. д.; 'облачный' → 'ненастный': рус. *облачный*, укр. *змаркий*, словен. *oblačen* и т. д. Мы вправе предположить для прилаг. *bagrъn значение 'темного цвета'.

*běni: рус. *бéни* 'вилы' (Ярослав. словарь 1, 52), *бéни* 'накладка на телегу' (Мельниченко 31), ст.-чеш. *běny*, *bienky* мн. 'мотовило, сновальня, мялка; приспособление для тканья полотна и обработки льна' (Gebauer I, 39). Сюда же праслав. *čaběniti, *koběniti и *kosoběniti.

Праслав. *běni 'вилы', 'развилка' (> 'мотовило') < **boi-n-*, может быть производным от глагола *biti (ЭССЯ 2, 87) или же восходить к п.-е. **bheidh-* 'вязать, плести', ср. лат. *fiscus* 'корзина' < *bhidh-sko* (Pokorny 153).

*bolyni: рус. *бульiна* 'небольшая поляна среди леса' (Соликам. словарь 57). В говоре *о-* предупредительное дает *у* (*будáть* 'бодать' и т. д.). С точки зрения словообразования мы видим результат выравнивания по основам па *-a* древней формы с суф. *-yni*. Ср. *белынь* 'обширная поляна или большой сухой луг среди леса'. Реликтовая форма *bolyni сохраняет ту же огласовку корня, что и *bolъnъ, *bolto, *bolень.

*bornъ, *-a*, *-e*: рус. *боронóй*, *-ая*, *-ое?* Корóва лежит, как боронáя (Архангельск. словарь 2, 85). Старая форма причастия от глагола *horti, *borjъ*.

*čersa: рус. чѣреса ж. 'поясница': Ох у мене и постъ череса, постъ, а как яду вмажешъ, так сразу легче чересе-то (Новосиб. словарь 584).

Форма ж. р. čersa в соответствии с праслав. *čersъ 'пояс', значение как в слове *čerslo 'поясница, чресла'.

*čety: укр. чать 'береговая линия при разливе' (Полесск. этнолингв. сб., 185). Имя сущ., производное от глагола *četi, čьny. Значение 'край, конец', ср. *konъ.

*debъ: рус. дѣб в сравн. о твердой, неподвижной массе; дѣба 'плохая, неплодородная земля', то же, что дѣб (Смоленск. словарь 3, 110—111). Наличие -'о в слове не позволяет нам реконструировать это слово как *dēbъ. Можно предположить, что прилагательное *debъ продолжает и.-е. *dheb- 'крепкий'. Этот корень огражен в праслав. *debelъjъ. Значение 'твердый, крепкий' → 'неподвижный' хорошо объясняет выражение сидеть дебом 'спдеть неподвижно' и глагол *debēti 'спдеть неподвижно', 'подстергать' (ЭССЯ 4, 203).

*dobnъ: рус. дон 'очень много, в изобилии' (Смоленск. словарь 3, 181). Наречие, возможно, от гипотетического прилагательного *dobnъ, ср. *dobrъ.

Л. Г. Невская

К СЕМАНТИКЕ ПЕСТРОГО В БАЛТО-СЛАВЯНСКОМ

В специально проделанных опытах по определению семантического объема и связей лексем, используемых для обозначения пестрого в балто-славянском языковом ареале¹, обращалось внимание на маркированность этого признака, относящего определяемым им денотат в ряд предметов, обладающих особыми — преимущественно негативными — свойствами. Выявившаяся соотношенность собственно языковых фактов с такими явлениями духовной культуры, которые относятся к самым существенным пластам балто-славянской мифопоэтической традиции, позволяет, пожалуй, уже сейчас заключить, что пестрота входит в разряд конструктивных концептов, определяющих балто-славянскую модель мира.

Основное внимание в настоящих заметках будет сосредоточено на лексемах, в семантическом отношении на один шаг отстоящих от уже рассмотренных: лит. *margas*, с.-хорв. *шапен* и отчасти рус. *пестрый*, а именно на лит. *rāibas*, *rāimas*, *rāinas*, *rāivas*², лтп. *rāibs*, рус. *рябой*³ (и некоторых славянских параллельных формах), лтп. *kēršas*, *drūžas* и нескольких периферийных обозначениях пестрого и рябого. Семема 'сочетание разных цветов', в основном определяющая значение этой группы слов, в отличие от семемы 'сочетание черного и белого', лежащей в основе слов первой группы, семантически менее определена, что приводит к отсечению части семантически противопоставленных концептов. Однако семантическая близость обуславливает диффузию значений, главным образом

за счет снятия строгого противопоставления 'черное — белое' и приобретение значения 'многоцветный, разноцветный' лексемами типа лит. *margas*.

Первоначально интуитивно выбранный путь по осознанию семантической структуры описываемой группы слов «извне», через особый класс текстов, здесь становится сознательным приемом анализа, который и будет строиться на постоянном — но по необходимости выборочном — обращении к фольклорным, мифологическим и т. п. текстам.

В кругу денотатов, в балто-славянском осознаваемых как пестрые / рябые, прежде всего следует указать крупный рогатый скот. При этом две балтийские лексемы *margas* и *raibas*, используемые при его номинации, ареально распределены таким образом, что эта чрезвычайно продуктивная, реализуемая в многочисленных фонетических, словообразовательных и под. формах модель, в литовском преимущественно реализуется посредством лексемы *margas*, а в латышском — *raibs* (*rainis*)⁴: *raibaļa*, *raibuļa*, *raibule*, *raibuļite*, *raibelīte*, *raibalīte*, *raibaļiņa*, *raibuļiņa*, *raibeļīte*, *raibele*, *raibene* (Mūlenbachs-Endzelins III, 465), а также *rāine*⁵ и *rainis* 'маленький / молодой бычок' (Mūlenbachs-Endzelins III, 467) при единичной литовской субстантивированной форме: *raibė* (LKŽ XI, 45). См. фольклорное: *Pavaicāju mīļai Mārai, kā būs saukt raibu guvi. Kura raiba — raibalīte (raibaļiņa)* (Mūlenbachs-Endzelins III, 467) 'Спрошу я дорогую Марию, как зовут пеструю корову. Которая пестра — *raibalīte*, *raibaļiņa*'; *Guotiņ, mana raibulīte, kas tev raibu raibināja?* (Там же, 468) 'Коровушка, моя рябушка, кто тебя изрябил в такую рябь?'

В славянских языках преобладают имена, образованные от **pъstr-*, типа польск. *pstroch*, *pestroch*, *pstrocha*, *pestrocha*, *pstrochule*, *pstrula*, *Bestrula*, *Pstrucha* (Karłowicz SJP V, 416), кашубск. *pstrox*, *pstroxa* 'пестрый вол, корова' (Sychta IV, 211); *bestrox*, *b'estroxa* (Sychta I, 36).

Такое многообразие номинаций рогатого скота как пестрого объясняется не только продуктивностью способа номинации и экспрессивностью словообразовательной модели. Оно находится в прямой связи со значимостью этого денотата в представлениях иных рангов, в частности, рогатый скот относится к основным концептам мифа о поединке Громовержца и его противника (происходящем именно за обладание скотом)⁶.

Связь номинации коня с пестротой редка: лтп. *raibaļa* 'пестрая лошадь': *raibaļa tikpat gauss kā viņa saimnieks pats* 'рябая лошадь также медлительна, как и ее хозяин'⁷. Типологически параллельно польск. *pstrok* (Karłowicz SJP V, 416). Однако для балтийского народнопозитического сознания характерно осознавать лошадь в связи с противником Громовержца. См. многочисленные литовские легенды о создании лошади из черта или ужа с помощью ореховой палки, розги, батога и о противопоставлении коня, отказавшегося перевезти Бога через реку, волу, быку, корове, исполнявшим его просьбу⁸.